

ными сочетаниями (дождь при солнце — слезы божества, свадьба солнца и дождя).

В народном творчестве, связанном с воззрениями древних на погоду, нашла отражение извечная борьба темных и светлых сил. Например, чтобы послать на землю дождь, бог-громовержец должен сразиться в страшном бою с демонами туч (гроза).

Каждое явление погоды воспринималось человеком либо как дар, либо как наказание небесного божества. Примером этому может послужить, с одной стороны, наличие мотива задабривания неба в обрядах вызывания дождя, с другой стороны, белорусская легенда о Перуне, наказывающем молнией и громом тех, кто творит несправедливость на земле.

Сопоставительное исследование славянской метеорологической лексики в тесной связи с изучением мифологии древних славян позволяет сделать некоторые выводы:

1. Микросистема праславянской метеорологической лексики включает в себя следующие лексемы: *vedro, *dъzdъ, *sněgъ, *gradъ, *rosa, *jъpъjъ, *mъgla, *tokja, *obvolkъ, *vѣtrъ, *vixrъ, *burja, *znojъ, *morzъ, *holdъ, *studja, *suxja, *bliskavica, *mъlni, *громъ. В современной славянской погодной лексике значительное место занимают праславянские корни, получившие различное оформление в разных славянских языках: *met-, *vi-, *li-, *jug- и др.

2. Погодные явления становились понятными человеку при соотношении их с повседневными событиями. Поэтому наименования многих явлений носили метафорический характер. Позднее метафоры, утратив свой поэтический смысл, стали восприниматься как простые непереносные названия. Для реконструкции праславянской лексики поэтому очень важен мифологический аспект.

Я. Л. ТРЕМБОВОЛЬСКИЙ

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РУКОПИСНОЙ РАБОТЕ НА РУСИ В XVI—XVII ВЕКАХ

В XVI веке под влиянием религиозно-политической концепции «Москва — третий Рим» русские книжники с особой остротой осознали ответственность за византийское и южнославянское наследие и делали все, «чтобы свеча не погасла». Одной из основных в рукописной работе русских книжников XVI века становится проблема закрепления, упорядочения, систематизации и распространения обширного рукописного богатства, накопленного к тому времени культурой. Происходит массовое накопление списков, в особенности богослужебных и богословских книг, необходимых для удовлетворения практических нужд церкви. Причем эта работа в иерархии культурных ценностей стояла ничуть не ниже, чем создание новых произведений. Показательно, что рост библиотек в XVI веке происходил главным образом за счет умножения списков произведений, уже имевшихся в собраниях.

В Ленинградском отделении Архива АН СССР (фонд 109, оп. 1, № 21) хранится черновой вариант каталога славянских библейских рукописей XI—XVII веков, составленного И. Е. Евсеевым незадолго до 1917 года. Каталог включает в себя краткое описание 4101 рукописи. Хронологический анализ показывает, что подавляющее большинство богослужебных текстов (цветная и постная триодь, служебная псалтырь, месячные и общие минеи и т. д.) относится к XVI веку. Тенденция к закреплению существующего в книжности, к увеличению потенциала культуры за счет систематизации рукописного материала ярко проявилась в создании в XVI веке крупных обобщающих произведений компилятивного характера. Это, в первую очередь, Великие Четьи-Минеи митрополита Макария, Лицевой летописный свод, Азбуковник. Эта тенденция наблюдается и в работе Максима Грека над переводом Толковой псалтыри, и в серии общерусских канонизаций некогда местных святых в 1547 и 1549 годах.

Иную картину демонстрирует нам XVII век. Обладая огромным рукописным наследием предыдущих веков, особенно XVI века, XVII век, принявший на себя, по словам Д. С. Лихачева, «функцию эпохи Возрождения», в большей степени ориентирован на создание всего нового: новых форм, новых жанров, новых произведений. Становление личностного сознания, появление профессиональных авторов, развитие индивидуальной точки зрения на события, некоторая секуляризация культуры, утвердившееся во второй половине XVII века книгопечатание, — все это, безусловно, и определило специфику рукописной работы в этом веке. Продуктивность ее не падает. Но в отличие от XVI века наблюдается более энергичная экспансия в новые темы, увеличивается количество переводов, литература все интенсивнее проникает в государственную жизнь, развивается жанровая система и даже появляются новые виды литературного творчества — силлабическое стихотворство и драматургия. В XVII веке работа переписчика и сам факт переписки теряют свою значительность и таинственность, о чем свидетельствуют любопытные замечания писцов на полях рукописных книг. В XVII веке только у старообрядцев сохранялся в какой-то мере прежний взгляд на работу писца. Поэтому старообрядцы не только создавали новые, обычно полемические произведения, направленные против никониан, но и достаточно интенсивно переписывали старые, «неиспорченные» сочинения.

Г. В. ШКНАЙ

СТРУКТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ БЕЛОРУССКО-РУССКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЙ (Имена существительные)

Морфемные расхождения — это следствие утраты одним из языков исходного слова, послужившего базой для образования существительных, общих для русского и белорусского языков. Вполне закономерно, что на современном этапе функционирования языков та или иная белорусская лексема является непроемкой, а соответствующая ей русская — производной и наоборот. Примером может служить белорус. *буд-к-а* — рус. *будк-а*: исходное *буда* сохранилось лишь в словарном составе современного белорусского литературного языка; ср. также другое белорусское суффиксальное образование *буд-ан*.

Разное морфемное членение в русском и белорусском языках производных лексем, как правило, связано с утратой той или иной языковой системой отдельных членов словообразовательного гнезда. Так, например, в белор. *аснова* поводом для выделения связанного корня *-снов* и префикса *а-(а-снов-а)* служит сопоставление образований *а-сноў-н-ы*, *а-снав-а-ць* и др. с однокоренным словом *за-снав-а-ць*, не представленным в русском литературном языке; следовательно, в рус. *основ-а* префикс *о-* не выделяется. Подобным образом можно объяснить разное морфемное членение белор. *а-барон-а* (ср. *бараніць*) и рус. *оборон-а*.

Расхождение в морфемном составе белорусских и русских лексем может быть также следствием утраты в одном из языков существовавшей ранее семантической связи между словом и его производящей основой. С этой точки зрения можно объяснить и разное морфемное членение белор. *багат-ыр* и рус. *богатырь*; белорусское существительное является производным, так как оно сохранило значение 'богач, богатый человек.

При заимствовании отдельных лексем из родственной языковой среды, в частности из русской в белорусскую, расхождение в морфемном составе происходит в результате того, что заимствуются не все члены словообразовательного гнезда, а только отдельные слова.

Таким образом, совпадение формального облика белорусских и русских лексем, их семантическое тождество или сходство, общность происхождения еще не является достаточным основанием для отождествления их словообразовательной структуры.